

«Опасная это штука, молодость»

Режиссер Грегг Араки рассказал «Ъ» о своем новом фильме «Загадочная кожа».

— Начнем с вопроса, который лежит на поверхности. Восьмилетние герои «Загадочной кожи» мастурбируют, эякулируют — хотя в кадре все это не воспроизводится, есть крупные планы мальчиков, лица которых отображают удовольствие определенного сорта.

— Я понял. Нет, что до моих восьмилетних актеров, то они были совершенно не в курсе, что за происшествия вызывают у их персонажей те эмоции, которых я от них добивался. Их родители — те да, безусловно, но сами мальчики сценария не читали и, надо признать, не больно-то им интересовались. Их развлекал сам процесс съемки и то, что из вроде бы бессвязных кадров, в которых их просили принять то или иное выражение или позу, соберется кино. Пожалуй, их ждет сюрприз, когда они подрастут и посмотрят, кого играли.

— А сами вы в детстве были таким же отчаянным? — Моими самыми отчаянными детскими поступками были просмотры фильмов про отчаянных вроде «Бунтовщика без причины» и «Пустошей»: я всю жизнь питал сочувствие к изгоям да падшим. За исключением этого у меня было самое пресное дачное детство, то, что называется «счастливое детство». Да я и вправду был счастлив со своими книжками, прогулками и мечтами на приусадебном участке.

— В вашей вполне универсальной истории, мелодраме по сути, действие начинается в 1981-м и заканчивается в 1991 году. Отчего не сейчас?

GALMA

— Это и вправду мой первый «костюмный» фильм, но заметьте — и первый фильм, который я снял не по собственному сценарию. До последнего момента кино автоматически означало для меня кино авторское — я сочинял историю, брал камеру, снимал, монтировал, подбирал музыку и помыслить не мог, что найдется какая-то книжка, ради которой я утворю три года жизни, просто чтобы перенести ее на экран. Тем не менее именно это произошло — я впал в транс, прочтя роман Скотта Хейма, а роман этот написан в 1994 году. Для Хейма это была современность. Однако модернизировать его я не стал вовсе не от лени и не от пресмыкания перед первоисточником. 1991 год в Нью-Йорке — это очень специфическое время и место. СПИД свирепствует. Гей-движение крепчает. Республиканское правительство безмолвствует. За кулисами эпидемии — бездны страха, фрустрации, общественной активности и неуправляемой ярости. Это не фон, а почва истории «Загадочной кожи», смею я его, она могла бы не сработать. И наоборот, чтобы усилить то смещение, брожение, отчаянность и отчаяние, которые все вместе, собственно, и означают, что такое «быть 18-летним», достаточно было поселить героев в Нью-Йорке 1991 года: переданная верно, сама его атмосфера, сконденсировавшись вокруг героя-подростка, передаст его самоощущение.

— Помнится, в то время вы сняли «Оголенный провод» про двух ВИЧ-инфицированных парней, которые становятся любовниками и живут по принципу «гори все огнем». Он проник в Россию на пиратских кассетах, допиской к какому-то бое-

вику, мы-то и знать не знали никакого Грегга Араки, — после фильма даже девушки мечтали стать парнями, чтобы жить, как ваши герои.

— Позвольте расценить это как комплимент. Если тот фильм заражал — то это как раз говорит о нем как о стопроцентно показательном продукте своего времени. Думаю, повторить траекторию Нила из «Загадочной кожи» не захочется никому — и это оттого, что теперь мы бросаем взгляд назад, уже пережив все последствия апокалипсиса. Но вообще я и тогда рассматривал своих героев как глубоко несчастных, травмированных людей, которые на износ жаждут любви — а в наши дни это опасная, неутолимая жажда.

— Однако Нил нарисован весьма симпатичным: по нему сохнут решительно все остальные герои «Кожи».

— Сексуальный расхлябанный бяка — расхожий объект вожделений в «Камасутре» эпохи MTV. Лучше подумайте, каково ему.

— А что не в порядке с парнем, который всем нравится и всем дает?

— Ну, «порядком» я бы это точно не назвал. Со стороны это все, конечно, круто: безбашенный бунтарь, все нараспашку, молод и хорош собой — а потому исправно выставляет напоказ все те пороки, которые другие, старые и обрюзгшие, скрывают. Он выступает словно бы адвокатом всего, что порицает лицемерное общество. Но на поверку это рискованно, причем ничемно рискованно. Опасная это штука, молодость.

БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ